

За машиной не надо приглядеть, пока вы в театре будете? — вывернулся из толпы вежливый подросток. — Нет? Извините". И он помчался к подъехавшему "джипу". Съезжались на "Трехгрошовую оперу" в "Сатирикон". "Мерседес" не мог развернуться", — шепотом жаловался опоздавший на "Недосыгаемую" Театра Антона Чехова. Что и говорить, поехал народ в театр. Не во всякий, конечно, но поехал. Обрадуемся. Забудем о том, что коммерческое искусство "не отображает". Оно отображает.

Елена ЛЕВИНСКАЯ

"Я спросил электрика Петрова: почему у вас не идет провод? Ничего Петров не отвечает, только тихо ботами качает".
Олег ГРИГОРЬЕВ

Свинья г-на Трушкина

Н икогда бы мистер циник Сомерсет Моэм не назвал героиню (и пьесу) "Недосыгаемая", не подразумевая обратного смысла. Иронический джентльмен знал женщин, любил мужчин и бежал пафоса. Героиня пьесы, узнав о смерти давно уехавшего мужа, обнаруживает, что оба ее поклонника не торопятся с предложениями руки и сердца. Ведь ей уже 35, увядает, разъяряет излюбленный персонаж Моэма, доктор-резонер, хотя в действительности один из поклонников уже несколько пооблел для романтических действий, а второй любит бешено и страстно, но только платонически, увядает. Так или иначе, отвергнутая леди на глазах умнеет и объявляет мужа здравствующим, чем возвращает исходное положение вещей — поклонение мужчин, зависть женщин и много-много романтики. И вновь живет припеваючи, поскольку есть только то, что кажется, а вовсе не то, что есть. Иными словами, недосыгаем, по Моэму, тот, кто сумел творчески осмыслить, что никому не нужен.

Разумеется, столь замысловатые игры желаемого с действительным для новой русской публики — смерть. Ни всплакнуть, ни от души посмеяться. Постановщик Леонид Трушкин в корне меняет пьесу. На языке родных осин английский черный юмор предстал укороченным и доходчивым ("Рэкс" — называет себя персонаж, ему сейчас в ответ: "Какая порода?"). А также, во славу русской школы, очеловеченным до неузнаваемости. Все персонажи влюбились. Даже доктор-резонер, вопреки собственным речам. Страсть виртуозно соткана Владимиром Стекловым из одних только шуток. Но пуще всех полюбила сама леди: раз и навсегда — как любимая женщина механика Гаврилова. Выбор исполнительницы был безошибочным. В экранно-мерцающем

сиянии киноролей, с обворожительной робостью сценической дебютантки, с улыбкой в виде солнца, вся в перьях, блистающих камнях и шифонах отчаянных расцветок — ослепительная, как вы уже догадались, Людмила Гурченко! Гром аплодисментов. Браво, маэстро Трушкин.

Эх, пошло-поехало! Разметнулся занавес — а там апартаменты, как после еврореволюции. Грянуло танго, влетел с букетом пылкий Рэкс — Борис Шувалов, защебетали влюбленные во всех мужчин сразу подружки леди — Ольга Волкова и Ольга Прокофьева, даже облезлый сэр в исполнении Бориса Дьяченко преобразовался в тонко чувствующего бородача — и рад бы жениться, да что-то экзистенциальное не пускает. Но по нему-то и страдает леди!

Накал жгуч, и циничный компромисс финала неуместен. Леонид Трушкин отважно пишет другой финал. Объявив мужа здравствующим, леди вдруг сообщает потрясенным соотечественникам, что уезжает к нему навсегда. Скорбно откалывая и отдавая ветру фату, она тихо удаляется все выше и выше по ступенькам, роняя слова последнего привета рыдающим внизу поклонникам. Изломанный в нежной муке силуэт, прощальный взмах тонкой руки в перчатке — и растаяла. Занавес.

Позвольте, но куда же она поехала? К мужу-покойнику? Это как же получается? "Ничего Петров не отвечает, только тихо ботами качает"? Конечно, недосыгаемой не бывает, но ведь, как говорится, ничто не предвещало. Публика смеялась, как дети, ибо мистер Моэм, пером заслужив огромный успех, понимал спрос не хуже Леонида Трушкина. И ловко упаковал главную мысль в композицию-круг из бешеной смены драматургических фокусов, приводящих действие к исходной точке — сиятельному воцарению непотопляемой героини. Публика, даже вменяемая сморкалась в платочек, твердо зная: леди

занавес! Разомкнув круг, Трушкин разом нарушил закон жанра и уничтожил смысл. Вот и гадай теперь, куда и зачем он отправил свою леди. Впрочем, не то интересно, что

Опасные игры

режиссер хотел сказать, а то, о чем он проговорился. Странная закономерность: в новом спектакле Трушкина "Поза эмигранта" некая дама опять едет к мужу и, отнюдь не по автору, исчезает при невыясненных обстоятельствах.

Автор пьесы Ганна Слуцки, конечно, не Сомерсет Моэм, нет того полета интриги, зато юмора вокруг ключевого слова "трахаться" — не мерено. И всплакнуть есть над чем: "затраханная жизнью" эмигрантка-уборщица знакомится по объявлению с честным израильским банкиром, готовым отдать 30 тысяч долларов за ребенка от русской, — и у них вспыхивает чувство. Евгения Симонова, Владимир Меньшов, Армен Джигарханян, Людмила Гурченко и даже сама Анжелика Варум — какие люди поставлены Трушкиным в "позу эмигранта"! Перед хэппи-эндом рука мастера тягелеет: к банкиру едет жена, с которой прожито 32 года. — и "невеста" опять превращается в золушку, а публика достает носовые платки. Но тут раздвигаются стены, открываются дали, выпадает швабра — вернулся! И долгожданный дождь накрывает Иерусалим. Занавес.

Позвольте, а жена-старушка? Ради эффектного поворота в финале Трушкин умолчал, что американская дама приехала на бракоразводный процесс, — и сквозь пелену финального счастливого дождя опять проступает изломанный в нежной муке силуэт, прощальный взмах тонкой руки в перчатке... Простое совпадение?

Талант сочиняет, гений крадет

С лова бледнеют, сколько всего уворовано для "Трехгрошовой оперы" театра "Сатирикон"! Перевод Алта, железной рукой перекошенный и не упомянутый в программке, как и номер-иллюзион "Уборщица" Тины Леннерт, позаимствованный для Натальи Вдовиной — Полли Пичем. Да что перевод! Уворованы лондонский мост Tower Bridge, воспроизведенный в сценеграфии Александра Боровского, и монстр отечественного ТВ Николай Фоменко, зазванный на роль "друга нищего" Пичема. Кроме

мордобоем и фейерверками, планомерно на рояле, пробег по сцене новенького мотоцикла, невозможное танго в борделе и аналогичные режиссерские находки второй све-

Рисунок А.ШАХГЕЛДЯНА

жести. Зато нахальство, азарт и искренность, с какими чужое выдано за свое, свежи, как свежи были розы. Столь оглушительного эмоционального нахрапа наша публика, пожалуй, и не упомнит. Постановщик Владимир Машков знал, с кем имеет дело. Публика, как женщина, — скорее, чувственна, чем умна, и в массе примитивнее тех, из кого состоит. Примитивная, как страсть, от повторов она только возбуждается. Шальной темперамент постановщика, распаленный богатством открывшихся возможностей, его изощренная изобретательность, как и навязанный могучий ритм зрелища, не могут не убажить жестокую природу толпы. Вы проскучили? Обратитесь к доктору, у вас что-то с организмом.

Только одно свойство публики Машков не учел. Мужское. Как женщина смертельно жаждет лишь ту, что его презирает, так и мы, став толпой, втайне от себя и за свои деньги ждем побед. Когда в 1928 году на премьере "Трехгрошовой" в Берлинском театре оперетты с его амрами и тритонами на сцене появились уголовные персонажи, ее же и пародирующие, — разразился колоссальный триумф. Молодой хулиган Бертольд Брехт, раздев пуб-

лику донага, с удовольствием плюнул на нее — и та ответила ему многолетней любовью, передавая память о потрясении детям и внукам. Молодой лысец Владимир Машков даже зонг "Пиратка Джинни", в котором маленькая уборщица мечтает расстрелять всех, предупредительно заменил на волшебный "сон", где уборщица грезит о богатом господине с бриллиантами. Подкорректирован смысл и по линии Мэкки-Ножа, безоговорочно возведенного в качество положительного героя: свой парень, не Арнольд, а всех победил. И чем тоньше играет Константин Райкин, тем превосходнее конечный результат, превращающий пародию в сказку для маленьких. Респектабельная публика сыто жмурится, но помнит о доставленном удовольствии ровно до первого светового: кражи со взломом не состоялось.

Подменяя смысл, Машков, обученный в хорошей школе, не мог не видеть, что финал, в котором бандита вместо повешения вдруг милуют и награждают, теперь не годится. Сказке о герое нашего времени сарказм ни к чему. Пришлось ему финал изменить и махита повесить. Опоздал вестник — зачитывает приказ о помиловании, а Мэк-то уже — того: болтается. Ну сказка есть сказка, повисел да ожил. Но,

обратите внимание, опять Петров со своими ботами.

Почему не женился Подколесин?

Н адо ли говорить, какой финал подкидает публику в следующем хите минувшего сезона — гоголевской "Женитьбе" Романа Козака? Народ, заполнивший МХАТ им.Чехова по лестру, сосредоточенно наблюдает, как после хрестоматийного прыжка в окно Подколесин вопреки автору и закону гравитации не приземляется в клумбу, но повисает в воздухе, тихо покачиваясь, а потом и вовсе улетает на небо.

Разные, конечно, бывают режиссерские прочтения. Все дело в том, как решить вопрос — а почему, собственно, Подколесин не женился? Было: а/ он убегает от черта (Кочкарев — черт); б/ он художник и бежит несвободы; в/ потому что он — Гоголь; г/ потому что русскому человеку нет в жизни счастья... Ну было да прошло. А теперь почему не женился? Висит-болтается — к чему бы это? И невеста-то чудо — хороша — со статью и удалью юной баскетболистки, свежая, как малина в сметане, и замуж хочет до изнеможения. Правда, критике игра Скачковой Александры очень не понравилась — но помилосердствуйте, зачем ей еще игра? Она и так посильнее Калягина с Юрским, вместе взятых. Той кошке, что идет по сцене в конце первого акта, нужна игра? Была бы только дисциплинированная. Так кем же надо быть, чтоб от такой невесты — да в окошко?

А славную пьесу сочинил Николай Васильевич (фамилию опустим)! Сочная, смешная, реприза на репризе. И разыграли ее — блеск, большому куску и рот радуется. Вот Невинный — Яичница, табачку принявши, так чихнул, что у Калягина — Кочкарева на голове кудри содрогнулись, вот Тенякова — сваха, красавица писаная, не моргнув глазом, по-старушечьи залопотала, а вот Юрский — Жевакин, от щелчки в спальню солидными задами отпихнутый, к окошку похромал: а ну как и на улице что-нибудь от невестыных прелестей валяется. Пошла писать губерния. Точно, как в дружном актерском застолье, где так дурачатся и смешат друг друга, что нам и не снилось, а сбоку тут же и Николай Васильевич (без фамилии) где-нибудь пристроился, похихивает, что-то в блокнотик свой чиркает.

Так, шуткой-смехом, "Женитьба" до финала доводит. А Подколесин — не женился! Почему? Не дает ответа бесфамильный автор. Тут бы, по логике, режиссеру переписать финал, окружить Подколесина — и дело с концом. Но Роман Козак, по-

лучивший добротное театральное образование, захотел все же разрешить проклятый вопрос. И принялся выправлять смысл с помощью потусторонних сил. Кошку из первого акта помните? А зеркало разбитое вдруг полетело? Следите за мыслью: сначала Гвоздицкий — Подколесин во тьме и дыму, как в аду, а в финале — ангелом на необъятный небесный простор вырвался! Улетел, так сказать, в голубизну. И висит — покачивается, висит — покачивается, только бот и не хватает. Батюшки, да неужто и впрямь женился?

Пора и объясниться

Ч то за наваждение! Как "кассовый" спектакль, так в финале — непредвиденный автором и отчасти даже самим постановщиком летальный исход! Скажем, "...С приветом, Дон Кихот!" Иосифа Райхельгауза. "Школа современной пьесы" в условиях нового русского спроса. Цитаты из Сервантеса, Булгакова, Шварца, Володина, Луначарского — в формах оперы, балета и клоунады. Точнее, цитаты — отдельно (1 картина), "формы" — отдельно (2, 3, 4 картины). И что же? Смысл, цитатно заявленный вначале, поэтапно окунается в "формы" и утекает, как вода сквозь пальцы, а к финалу — забавному клоунскому антре четвертой картины — уничтожается вовсе. Ровно в этот момент трагически исчезает и храбрый Дон Кихот, возвышенный души человек, оставив по себе лишь Альберта Филозова с большим красным носом да еще парочку милейших, но столь же бессловесных клоунов, простодушно веселящих публику. Кто виноват в безвременной кончине взволнованного идеала?

Что за призрак бродит по нашей коммерческой сцене, триллера вроде пока не познавшей? Кстати, милое дело — триллер. Занимательно до жути, смешно до ужаса и, главное, смысл подгонять не надо, потому что ясность и так хрустальная. А что? Пригласить "звезд", от спонсоров отбоя не будет, и за билет можно заломить. Хочется? Так в чем же дело? Будь последователен, иди до конца. Забудь, что не так воспитан, отпусти с миром Станиславского, освободись от прочтений и проклятых вопросов, вылижи все до блеска и от чистого сердца помоги человеку расслабиться после тяжких трудов. Готов? Прекрасно. Только что за неотвязный образ все вычерчивавшей безотчетно, словно трутником по песку? Ба, удавленник.

Будущее, как говорила Ахматова, бросает свою тень задолго перед тем, как войти.